

К счастью, он от природы обладал даром легко входить в любой круг и умел направлять разговор туда, куда было нужно. Цзян Синчжи, в свою очередь, не терял из виду цели: ему предстояло узнать как можно больше о положении дел в великих сектах, ведь в будущем им предстояло стать соперниками, если не враждующими силами.

Когда речь зашла о других кланах, расслабленная осанка Шан Лусина вдруг напряглась, словно струна, случайно задетая ветром. Он выпрямился, и в его глазах, до того светившихся доброжелательством, промелькнула едва уловимая, но выдававшая глубокую настороженность тень внутреннего колебания.

— Думаю, каждый из них уже строит планы, как переманить брата Цзяня на свою сторону, — произнёс он наконец, голос его стал мягче, но в этой мягкости чувствовалась скрытая настойчивость. — Если брат Цзянь не желает тратить силы на хитросплетения между могущественными семьями... может быть, лучше заранее выбрать надёжное прибежище? Уверен, среди верных союзников найдётся место, достойное вас.

Каждое слово звучало так, будто исходило из самой заботы, будто он действительно думал лишь о благополучии Цзян Синчжи. Но в воздухе повисло нечто большее, чем просто гостеприимство — это была тонкая игра, завёрнутая в шелк вежливости.

Цзян Синчжи медленно поднёс к губам чашку с горячим чаем. Над поверхностью поднимался лёгкий пар, окутывая его лицо полупрозрачной дымкой, сквозь которую его улыбка казалась одновременно тёплой и недоступной.

— Глава семьи Шан поистине заботлив, — сказал он тихо, и в его голосе не было ни насмешки, ни подозрительности — только спокойное признание.

Но эта улыбка, столь безмятежная и вместе с тем бесследно растворяющая смысл, заставила Шан Лусина на миг замереть. Горло его непроизвольно сжалось, будто он проглотил что-то слишком большое для слов.

— Я... — начал он, но осёкся.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, глава семьи Шан, — продолжил Цзян Синчжи, опуская чашку. Пар рассеялся, открыв его ясное, почти детское, с тенью усталости в уголках глаз, лицо — Я подумаю об этом.

Шан Лусин вздохнул, не столько от облегчения, сколько от странного чувства пустоты, будто он бросил удочку в тихие воды и поймал не рыбу, а лишь пузырь воздуха. Тем не менее, он поднялся, расправив рукава, и лицо его озарилось широкой, учтивой улыбкой.

— Время ужина уже близится. На кухне приготовили изысканные блюда и лучшее вино, а самые знаменитые в округе повара прибыли из Цючжоу. Если брат Цзянь не побрезгует...

— Зачем спрашивать? — перебил тот, легко поднимаясь на ноги, и его одежды, развеваясь, словно крылья журавля, взметнулись в последнем свете дня.

Шан Лусин замолчал. Все заготовленные фразы, все тонкие намёки и многословные формулы вежливости остались невысказанными и проглоченными, как камни в сухом горле.

Когда за окнами окончательно сгустились сумерки, в пиршественном зале семьи Шан зажглись фонари. Шёлковые, расписанные пейзажами гор и рек, их свет лился, как масло, по стенам, окрашенным в цвет старого дерева. Бокалы звенели, вино переливалось, как кровь луны, а запах жареного драконьего карпа и маринованного корня лотоса смешивался с ароматом сандала, глеющего в бронзовых курильницах.

После нескольких кругов тостов Шан Лусин повернулся к своему личному слуге Чжу Яню:

— Принеси шкатулку.

Чжу Янь кивнул и скользнул прочь, словно тень, возвращаясь вскоре с бархатной шкатулкой, инкрустированной нефритом и серебром. Когда крышка открылась, изнутри проступил тусклый, не яркий, но живой, как дыхание спящего существа, мерцающий свет.

— Что это? — Цзян Синчжи отложил палочки, взгляд его стал внимательным, почти сосредоточенным.

В шкатулке лежали два подвеса из белоснежного нефрита, изогнутых, словно месяцы в день новолуния. В их центре покоились духовые жемчужины — одна алого цвета, как закат над пустыней, другая — голубая, холодная, как лёд в глубинах горы Панши. Их энергия была чистой, древней, явно собранной не за один десяток лет. Такие сокровища редко встречались даже в хранилищах Четырёх Великих Бессмертных Сект.

— Вчера благодаря доброте брата Цзяня и брата Бай Му имя нашей семьи вознеслось, как журавль среди тумана, — сказал Шан Лусин, голос его дрожал от сдержанной гордости. — Это скромный знак благодарности. Надеюсь, брат Цзянь не сочтёт его недостойным.

Нефрит был истинно благородным, а жемчужины — настоящими духовными камнями, способными собирать ци Неба и Земли даже в самых истощённых местах.

Цзян Синчжи некоторое время молча разглядывал подарки. Его пальцы чуть коснулись одного из подвесов

— Они выглядят как пара... не совсем уместно мне принимать их . — Тихо прошептал он.

— Нет, что вы! — быстро ответил Шан Лусин, и в его голосе зазвучала искренняя уверенность.
— Эти жемчужины называются «Лунные Жемчужины», созданы мастером Фань Ли — самым

великим ремесленником Трёх Миров. Одна излучает жар, другая — холод, как две противоположности, рожденные одним небом. Я получил их в разное время, от разных людей... и, желая воздать вам обоим равную честь, подумал, что эти два предмета станут наиболее подходящим знаком признательности.

П.П. Шан Лусин официально от меня получает звание шиппера # 1 - -

Его слова были продуманы до мельчайших деталей, а логика была безупречна. Отказаться значило бы показать себя мелочным или недоверчивым. Цзян Синчжи слегка склонил голову:

— Глава семьи Шан поистине предусмотрителен.

Он принял подарок. Две Лунные Жемчужины лежали в шкатулке, словно два полюса одной души — одна пылала внутри, другая замерзала в вечной зиме. Свет зала играл на их поверхности, заставляя мерцать, как звёзды в ночном небе.

С любопытством он взял в руку голубую — ту, что хранила холод. Прикоснувшись к ней божественным сознанием, чтобы оценить глубину её энергии, он вдруг вздрогнул.

— А-а... — вырвалось у него, и жемчужина с тихим плюх упала обратно в шкатулку.

— Брат Цзянь?! — вскочил Шан Лусин, лицо его исказилось тревогой.

Пальцы Цзян Синчжи дрожали. Холод, проникший через его божественное сознание, был не просто физическим, он пронзал душу, как ледяная игла, пробивающая рану, давно зажившую, но ещё болезненную.

Духовые жемчужины собирали ци Неба и Земли — это было их предназначение. Эта же была настолько холодной, что могла заморозить поток истинной сути. В прошлом он лишь улыбнулся бы от такой попытки охладить своё тело. Но теперь... теперь он недооценил, насколько глубока была его душевная рана.

Он смотрел на свои пальцы, всё ещё ощущая эхо холода.

«Так вот оно как...» — подумал он, не произнося этого вслух.

И впервые за долгое время в его глазах мелькнуло нечто, похожее на страх. Не перед холодом, а перед воспоминанием о том, кто он был — и кем стал.

Ледяная истинная суть, порождённая самой природой, обвила его повреждённую душу изнутри, проникая в самые глубины существа. Цзян Синчжи вздрогнул, как будто чья-то невидимая рука сжала его внутренний свет и окутала льдом.

— Брат Цзянь, с Лунной Жемчужиной что-то не так? — полный беспокойства голос Шан Лусина дрогнул.

— Ничего, — ответил тот, поднимая голову. Его лицо снова было спокойным, как поверхность озера в безветренный день. Та же мягкая, недостижимая, словно вырезанная из тумана улыбка вернулась. Он аккуратно убрал жемчужину обратно в шкатулку, пряча даже намёк на слабость, и плавно поднялся, скользнув рукавами по краю стола. — Благодарю вас за сегодняшнее гостеприимство, глава семьи Шан. Я отнесу этот подарок брату Бай Му.

Тонкая, почти призрачная фигура скользнула над городом, как тень журавля в лунном свете. Внизу мерцали тысячи огоньков домов, рассыпанных, словно звёзды, упавшие на землю; над головой раскинулось холодное, чистое небо, усыпанное бесчисленными светилами. Луна стояла высоко, полная, молчаливая, как судья, наблюдающий за тайнами людей.

Но едва он покинул пределы дома семьи Шан, как холод, сдерживаемый внутри, больше не смог остаться в узах плоти. Из его тела, будто из трещины в горе, начал сочиться первозданный мороз. И тогда, в разгар лета, когда воздух должен был быть тёплым и влажным от росы, следом за ним по небу поползли, неуместные белые снежные хлопья.

Они падали, кружась, как перья уснувших лебедей, и таяли, едва касаясь крыш.

— Ха... ха... — Цзян Синчжи опустил глаза, делая несколько медленных вдохов, пытаясь упорядочить истинную суть. От напряжения каждое дыхание выходило белым паром.

Это был не внешний мороз. Это была боль, исходящая изнутри, словно его душа, уже и так растрескавшаяся, была прижата к стене ледяной пещеры, где каждый вдох отзывался ломотой в костях.

К счастью, его уровень культивации был глубок, как древнее озеро, и хотя тело разрывало от боли, никаких необратимых повреждений не последовало. Но нужно было срочно найти место, где можно было бы выпустить эту скопившуюся стужу, иначе она начнёт разъедать меридианы, как яд.

И почти инстинктивно он направился к секте Гуйсюэ.

Шшш...

Его фигура пронеслась сквозь лес, как ветер между соснами, и вскоре он уже стоял у входа в ту самую пещеру, где всё началось.

Был час Хай — время, когда мир замирает между днём и ночью, когда тени становятся самими

собой, а духи пробуждаются ото сна. Пещера погрузилась во тьму, абсолютную, как дно колодца.

Цзян Синчжи опёрся спиной о каменную стену, приоткрыв бледные губы, из которых вырывались короткие, прерывистые выдохи, окутанные инеем. Ресницы его дрожали, как крылья мотылька, застывшего в паутине. Ворот его одежды чуть распахнулся, и на шее, там, где кожа была такой белой, что казалась просвечивающей, собрался тонкий слой изморози, словно луна поцеловала его и оставила след.

— Ха... ха...

Внезапно, ни с того ни с сего, в глубине пещеры вспыхнул огонь, но не обычный, это было пламя Трёх Путей, голубовато-красное, живое, как сердце демона. Оно возникло из ниоткуда, но Цзян Синчжи знал, что оно вырвалось из его дантяня, где оно питалось его собственной истинной сутью. В отличие от внешних духовных жемчужин, это пламя было частью него самого, потому использовать его для сжигания холода не грозило обратным ударом ци.

Это было сокровище, найденное им и Сюй Цзянем в одном из загадочных миров, затерянных между мирами. Они сражались за него... или, точнее, он сражался, лишь чтобы испытать противника. Тогда он хотел проверить, насколько острее стал клинок Сюй Цзяня после всех лет одиночества.

В конце концов, победил он. И огонь стал его. Он не ожидал, что однажды это спасёт ему жизнь.

Призрачное сияние пламени легло на стены пещеры, окрасив камни в кроваво-синие тона. Цзян Синчжи запрокинул голову, сводя брови от боли, шея его выгнулась длинной, изящной дугой. Тени играли на ключицах, словно пальцы невидимого музыканта, выводящего мелодию страдания.

Его тело, пронизанное холодом, покрылось потом от боли. Тяжёлая, как саван одежда прилипла к телу. Лента в волосах ослабла, и чёрные пряди, тёмные, как ночь над горой Панши, рассыпались по плечам, смешиваясь с синим шелком одежд.

Время текло медленно. Слишком медленно.

По его жилам, будто тысячи игл, проносилась энергия — истинная суть, обращённая против самой себя. Холод, проникший в кости, постепенно отступал, но каждый шаг этого освобождения отзывался режью в меридианах, будто их скребли наждаком.

Сознание его колебалось на грани, и в этом полузабытьи с его губ сорвался тихий стон:

— Ммм...

«С таким телом... — подумал он, — впредь нельзя будет прикасаться ни к чему чрезмерно холодному. Даже к лунному свету, пожалуй, стоит подходить с осторожностью».

В полудрёме ему почудился, едва уловимый, как шелест листвы под ногой кошки, звук.

За пределами пещеры зашевелились ветви кипариса. Кто-то приближался, под разбросанными тенями листьев. Шаги были тихими, но решительными, будто сердце билось в унисон с каждым движением.

Сердце Цзян Синчжи сжалось. Пальцы, до того сжатые в кулаки, разжались и в следующее мгновение вокруг них сформировался острый, как мысль, клинок из истинной сути.

Он едва держался на краю. Если сейчас кто-то воспользуется его слабостью...

Тхуд.

Услышал он резкий, как удар по барабану, звук приземления. И тут же тишину ночи прорезали быстрые шаги, приближающиеся к пещере.

— Цзян Синчжи!

<http://bllate.org/book/15487/1373254>